

СТРУКТУРНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ДИАЛОГА В ВОЕННОМ ДИСКУРСЕ

А.В. Канафьева

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию структурных и функционально-стилистических особенностей диалога как формы коммуникации в военном дискурсе прозаических текстов В. Некрасова и Б. Васильева. Актуальность исследования заключается в том, что языковые единицы в роли реплик диалога в военной сфере коммуникации хотя и имеют ряд лексических и грамматических особенностей, характерных в целом для разговорно-бытового общения, тем не менее заслуживают более детального описания применительно к экстраординарным условиям коммуникации в военное время. Результаты исследования позволили сделать ряд выводов: представить структурно-семантическую парадигму и охарактеризовать некоторые стилистические особенности диалогических реплик в статусно-ролевом и непринужденно-бытовом типах диалога; выявить наиболее характерные для диалогов военной прозы морфологические и синтаксические средства императивной семантики, используемые для реализации функции воздействия как основной в диалоге командующий — подчиненный; представить синтез рационального и эмоционального в диалогическом общении персонажей.

Ключевые слова: военный дискурс, статусно-ролевой диалог, императив, императивные синтаксические единицы, вопросительные реплики, эмоционально-волевое воздействие

Для цитирования: Канафьева А.В. Структурные и функционально-стилистические особенности диалога в военном дискурсе // Преподаватель XXI век. 2026. № 2. Часть 2. С. 409–417. DOI: 10.31862/2073-9613-2026-2-409-417

409

STRUCTURAL AND FUNCTIONAL AND STYLISTIC FEATURES OF DIALOGUE
IN MILITARY DISCOURSE

A.V. Kanafyeva

Abstract. This article is devoted to the study of structural and functional and stylistic features of dialogue as a form of communication in the military discourse of prosaic texts by V. Nekrasov and B. Vasiliev. The relevance of the study lies in the fact that linguistic units functioning as dialogue lines in the military sphere of communication, although

© Канафьева А.В., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

possessing a number of lexical and grammatical features characteristic of everyday conversational speech in general, nevertheless require a more detailed description in relation to the extraordinary conditions of communication during wartime. The results of the study made it possible to draw a number of conclusions: to present a structural and semantic paradigm and to characterize certain stylistic features of dialogical utterances in status-role and informal everyday types of dialogue; to identify the morphological and syntactic means of imperative semantics most typical of dialogues in military prose used to implement the function of influence as the main one in the commander-subordinate dialogue; to demonstrate the synthesis of rational and emotional elements in the dialogical communication of characters.

Keywords: *military discourse, status-role dialogue, imperative, imperative syntactic units, interrogative utterances, emotional and volitional influence*

Cite as: Kanafyeva A.V. Structural and Functional and Stylistic Features of Dialogue in Military Discourse. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education. 2026, No. 2, part 2, pp. 409–417. DOI: 10.31862/2073-9613-2026-2-409-417

В настоящей статье решается актуальная лингвистическая проблема, имеющая, с одной стороны, специализированный характер (описание языковых единиц и установление их функций в определенном типе дискурса), с другой — отличающаяся комплексным анализом системы языковых средств воздействия в особой, статусно-ролевой сфере коммуникации с учетом ее важнейших составляющих и экстралингвистических факторов, ее определяющих. С использованием структурно-семантического и описательного методов проводится научный анализ типичных для диалога военного дискурса грамматических средств с императивной семантикой: глагольных форм императива в прямом и переносном значениях, инфинитивных, эллиптических, неполных, нечленимых, условно вопросительных конструкций. Оценивается роль повторов как средства сцепления реплик и выделения смысловых доминант диалогического общения.

Материалом исследования послужили диалоги художественных текстов известных писателей-фронтовиков Б. Васильева «А зори здесь тихие...» и В. Некрасова «В окопах Сталинграда».

Диалог как основная форма коммуникации имеет ряд отличительных особенностей в разных сферах: «как существуют разные виды социально-экспрессивной окраски слов, так есть и разные типы социально-экспрессивных разновидностей диалога» [1, с. 216].

Характер диалогического общения определяется рядом экстралингвистических факторов, среди которых: 1) речевое намерение; 2) условия речевой ситуации; 3) взаимоотношения коммуникантов — участников диалога; 4) их социальный статус и интеллектуально-образовательный уровень; 4) эмоционально-психологический склад.

Диалогическое общение в непринужденной устной речи имеет отличия от диалога в письменной речи. Устная разновидность общения имеет экстралингвистический арсенал средств выразительности: интонацию, мимику, жест, которые способствуют однозначной расшифровке намерений говорящего. Она «всегда стремится к конкретности, однозначности, интонационной недвусмысленности. Она откровенно убеждает» [2, с. 17].

В стиле художественной речи диалог является результатом обработки, осмысления художником слова, он «пропущен» через его чувства и сознание, но в целом сохраняет присущие естественной речи черты: «...при любом уровне абстракции в подходе к синтаксическим моделям — более высоком или более низком — эти образцы для построения фраз все равно получают свое грамматическое значение и свою, хотя бы нечетко очерченную сферу коммуникативного применения» [3, с. 137].

Перечисленные параметры диалогической речи в референтной ситуации военной реальности преломляются в разных видах диалога: статусно-ролевом и непринужденно-бытовом.

В статусно-ролевом диалоге коммуникантами являются командующий и подчиненный. Основное содержание инициативных реплик — это тактические и стратегические задачи, которые формулируются короткими, нераспространенными репликами, содержащими самые важные конкретизаторы — время, расстояние, способ передвижения, уточняющие детали: *Максимов выбивает о каблук трубку, ковыряет в ней веточкой, опять набивает табаком. «Ясна картина?» Никто не отвечает. «По-моему, ясна. Выступаем в двадцать три ноль-ноль. Первый переход — тридцать шесть километров. Дневка в Верхней Дуванке. Идти будем походной колонной. С дозорами и охранением, конечно. Порядок движения узнаете через десять минут у Корсакова»* [4, с. 23].

Одним из способов актуализации высказывания является использование в роли реплик многочисленных конструкций: а) неполных: *Я докладываю обстановку. Он слушает внимательно, не перебивая, ковыряя ногтем доску стола. «Петрова, говорите, значит, убило?» — «Да. Снайпер, должно быть. Прямо в лоб»* [4, с. 131]; *«Траншеи — траншеями, а мины — минами. Завтра вечером пришло людей». — «За чем? За минами?» — «Ну, а то за чем...»* [4, с. 145]; б) элиминированных: *«А я пушки сгружу. И сразу за вами...»* [4, с. 118]; *«Комелькова, за мной. Остальным здесь ждать»* [5, с. 207]; в) присоединительных: *Я спрашиваю: «Мины есть?» — «В одном только месте. Против пушки с развороченным стволом. Чуть повыше». — «Много?» — «Не считал. Штук пять мы выкинули. Сусиками. Противопехотные, что ли, шрапнельные»* [4, с. 181].

Коммуникативная тактика и стратегия военных приказов, команд и распоряжений, не подлежащих сомнению, не терпящих возражений, заключается не в ожидании вербальной реакции адресата, а в их незамедлительном и неукоснительном исполнении. Для этой коммуникативной функции более всего приспособлена грамматическая форма императива, имеющая разветвленную систему значений с разной степенью категоричности: *Клишенцов подбегает ко мне. Он совсем уже охрип. «Бери четвертую и пятую и двигай! Постарайся наших разведчиков найти. Они где-то там... В бой без меня не впутывайся, — сует мне в руку флажку. — На, подкрепишь на дорогу»* [4, с. 118–119]; *«Ну, смотри, комбат, не подкачай»* [4, с. 133].

Темпоральная ограниченность обдумывания фразы, подбора для нее «строительного материала», спонтанность принимаемых к незамедлительному исполнению решений обуславливает не только конструктивные особенности реплик, но и разнообразный спектр их модальных значений. В приведенных выше, сменяющих одна другую императивных репликах старшего по званию передается и сложная

динамика его настроения, эмоционального состояния: от категоричности приказов до просьбы (*постарайся найти*), отеческого наставления (*в бой не впутывайся*) и дружеской заботы (*на, подкрепись, смотри не подкачай*).

Стимулирующими действиями адресата являются глагольные формы индикатива в переносном, императивном значении: «Связного только **пришлешь**, чтоб зря не шататься. Сидорко такой у меня есть. Все найдет. **Спросишь** у Фарбера, командира пятой роты» [4, с. 118].

Семантическую эквивалентность, но большую степень категоричности имеют приказы старших по званию в форме реплик, представляющих собой инфинитивные конструкции: *Выстроились эти пятеро. Серьезные, как дети, но испуга вроде пока нет. «Идем на двое суток, так надо считать. Взять сухой паек, патронов... по пять обойм, подзаправиться... Ну, поесть, значит, плотно. Обуться по-человечески, в **порядок себя привести, подготовиться**. На все — сорок минут. Р-разойдись!..»* [5, с. 158].

Военная субординация обуславливает императивную семантику инициативных реплик-приказов и в отсутствие глагольных форм императива или инфинитива. Это отмечается, например, в специализированных нечленимых конструкциях, являющихся результатом синтаксической компрессии фразы либо до одного компонента, междометного, местоименного, наречного, либо с незначительным распространением (*вперед, за мной, шагом марш, по местам* и др.): «Идут, товарищ старшина!..» — «**По местам**», — приказал Федот Евграфыч». — «**По местам**, девоньки, только очень вас прошу: поостерегитесь» [5, с. 189]; «**Шагом марш в атаку!**» — «Всех командиров **вперед! И сами вперед!**» [4, с. 255]; «Кириянова и Осянина — **со мной**» [5, с. 158]; «Головной дозор, **шагом марш!**» [5, с. 162]. Семантика отсутствующих глагольных форм в подобных конструкциях «считывается» благодаря выраженным компонентам: это глаголы стремительного движения, быстрого перемещения. Этими короткими репликами демонстрируется «аспект актуализации высказывания, его преобразования в единицу речевой коммуникации» [6, с. 481].

Спонтанность, неподготовленность, динамичность, эмоциональность как отличительные качества диалога в разговорно-бытовом стиле речи сохраняются и в диалогах военного дискурса. Языковыми средствами реализации разнообразных категориальных смыслов выступают дейктические компоненты с субъектным, объектным, временным, пространственным, признаковым значениями. Особое место среди них занимает местоимение первого лица, обозначающее главную фигуру речевого акта — говорящего: *Потом дорога подымается вверх. По ней на руках тащат вниз пушку. «Куда?» — спрашиваю. Никто не отвечает. «Куда пушку тащите?» — «А ты кто такой? Не видишь, что делается? Немцам, что ли, оставлять». Я вынимаю пистолет. «Поворачивай назад...» — «Куда?» Кто-то в расстегнутой шинели, в съехавшей на затылок пилотке толкает меня в грудь. «Видали **мы таких**... Герой! Не обращай внимания, Кацура! Тащи!» Я чувствую, что мне не хватает воздуха и **что-то** сжимает горло* [4, с. 119–120].

В непринужденной коммуникативной ситуации диалогического общения дейктически насыщенные реплики выражают «психологическое стремление к социальному взаимодействию, определяющемуся интенцией говорящего и реакцией слушающего» [7, с. 83]. В них отражается естественная потребность коммуникантов узнать больше друг о друге: о довоенной жизни, характере, мотивах поступков: *Некоторое время*

мы сидим молча. Ширяев приподымается на одном локте. «Фарбер... Ты и до войны **таким был?**» Фарбер подымает голову. «**Каким таким?**» — «**Да вот таким, какой ты. Пить не любишь, ругаться не любишь, баб не любишь...**» [4, с. 228].

Эта коммуникация «на равных» носит эмоционально-экспрессивный характер, который раскрывается, в частности, репликами с разнообразными частицами, нередко объединяющимися в целые партикулярные комплексы. Богатую парадигму представляют частицы, связанные происхождением с местоимением *что* (А дальше *что?* И *что?* К чему это? К чему все это? На что? Еще чего! Еще чего скажешь! Что за бред (чушь, глупости, блажь, ересь)? Ничего не поделаешь... Что поделать (поделаешь)? и др.): Комбат — оказывается, его фамилия Клишенцов — кричит на кого-то, не так повернувшего пушку: «**Ну, чего ты ее лафетом вперед тычешь. Мозги, что ли, не вярят, телячья голова**» [4, с. 118]; Карнаухов опять принимается за свой рисунок. «**Вы что, не в ладах с Чумаком были, товарищ лейтенант?**» — деликатно спрашивает он, не поднимая головы. «Да. **Что-то в этом роде**», — отвечаю я. Карнаухов улыбается. «Рассказывал мне давеча. Из-за какого-то убитого. **Так, что ли?**» — «Да. С немца началось». — «Не понравились вы ему тогда, говорит». — «**Что ж делать, на всех не угодишь**». — «А теперь как? Наладилось?» — «**Что наладилось?**» — «Помирились?» — «А разве мы ссорились? Просто характер у него строптивый» [4, с. 205]; «Две ночи кряду не спишь, и толку никакого». Он нервно комкает папиросу и раздавливает ее каблуком. «Вот позвонят сейчас по телефону — действуйте... **А дальше что?**» — «Действовать, — отвечаю я. — Рубильник включать? Да? Так, по-вашему?» Большие, с темными веками глаза его сверлят меня. «По-моему, так» [4, с. 93]. Инициативные и реактивные реплики отличаются лаконизмом: деликатность вопросов не отменяет тактики ухода от ответов.

В диалогической речи военной прозы функционирует множество реплик, имеющих внешне вопросительную форму, но не содержащих собственно вопроса, а представляющих собой экспрессивные реактивно-оценочные формы осуждения, эмоционального выпада, вызванного неисполнением распоряжения, рассчитанного на быструю и обязательную реакцию: Абросимов еще издали кричит: «**Какого черта я послал тебя сюда? Лясы точить, что ли?**» Запыхавшийся, растянутый, в углах рта пена, глаза круглые, готовы выскочить. «Звоню, звоню... Хоть бы кто подошел. **Думаете вы воевать или нет?**» Он тяжело дышит. Облизывает языком запекшиеся губы. «Я вас спрашиваю — думаете вы воевать или нет, мать вашу...» — «Думаем», — спокойно отвечает Ширяев. «Тогда воюйте, черт вас заберет... **Какого дьявола ты здесь торчишь? Инженер еще. А я, как мальчик, бегай...**» [4, с. 24]. Динамичность, эмоциональная насыщенность процесса принятия незамедлительных решений нередко сопряжена с аффективным состоянием коммуникантов, быстро меняющимся, не всегда в полной мере отражающим внутреннее. Эмоционально-психическое состояние говорящего, вызванное разными «раздражителями», — первооснова, первопричина эмоционально окрашенной речи. И это свое состояние для него очень важно донести до адресата, чтобы быть адекватно понятым, чтобы иметь соответствующую реакцию в виде понимания, отклика, сочувствия, солидарности, чтобы не наткнуться на глухую стену. «В целом же акт высказывания характеризуется *подчеркиванием устанавливаемого в речи отношения к партнеру, будь он реальным или воображаемым, индивидуальным или коллективным*» [8, с. 316].

Выделенные реплики, имеющие условно вопросительную форму, заключают в себе императивную семантику, имеют характер категорического приказа. Ими выражается и крайне возбужденное эмоциональное состояние отдающего приказ. Они относятся к разговорному стилю, содержат стилистически сниженные фразеологически связанные компоненты (*какого черта, какого дьявола*) в сочетании со спрягаемым глаголом. Обращает на себя внимание вопросительно-императивная реплика (**Думаете вы воевать или нет?**), имеющая относительно стабильную фразеологизированную структуру, в которой варьированию подлежит лишь местоименный компонент и инфинитив. Эти реплики представляют собой конструкции экспрессивного синтаксиса, обладающие способностью выражения разнообразных диалогических модальностей. Несобственно вопросительные реплики употребляются и в оценочном значении: *«Людей сейчас снимать?» — тихо спрашивает близорукий, похожий на ученого комбат-три. Лицо Максимова сразу из бледного становится красным. «Вы на фронте или где? Хотите, чтобы всех людей перебило? Нужно же в конце концов голову иметь на плечах...»* [4, с. 93]. Отрицательно-экспрессивный, резкий, отчасти и неожиданный ответ в вопросительной форме на четко сформулированный вопрос имеет гиперболизированную модальность осуждения, возмущения: «в языке художественной литературы при воспроизведении речи персонажей используются разнообразные свойства экспрессивного синтаксиса и экспрессивного произношения — социально-характеристические и индивидуальные» [1, с. 216].

Грамматические императивные средства в диалоге контаминируются, чередуются в условиях экстремальной коммуникативной ситуации: **Крой, Осянина, подымай бойцов. Мигом!** *Но скрытно, чтоб ни-ни!..* (Б. Васильев. «А зори здесь тихие...», с. 182); *Но командир — он ведь не просто военачальник, он еще и воспитателем подчиненных быть обязан. Так в уставе сказано. А устав старшина Васков уважал, знал до тонкостей, назубок знал и выполнял неукоснительно. И поэтому сказал Гале: «Вещмешок и шинельку здесь оставишь. За мной иди след в след и глядеть, что делаю. И что бы ни случилось, молчать. Молчать, товарищ боец, и про слезы забыть»* [5, с. 221].

Особую динамичность диалогу, связности его реплик придает диалогическая цитация, под которой понимается «использование реплик собеседника (или их фрагментов) в иных (обычно оппозиционных) коммуникативных целях» [6, с. 669]. Как единицы диалогической цитации довольно часто используются цитатные вопросы: **«Откуда взялся, Ширяев?»** — *«С луны свалился».* — **«Нет, серьезно».** — **«Как откуда? Получил назначение, и все. Комбатом в твой батальон. Недоволен?»** Ширяев, сдерживая улыбку, молчит. *Не сводит глаз с Карнаухова.* **«Ну, а твои как?»** — **«Что — мои?»** — *«Стихи, конечно».* — **«Какие стихи?»** — *«Думаешь, не знаем? В тетрадке которые. В клеенчатой. Как там у него, Керженцев, не помнишь?»* Карнаухов приперт к стенке. **«Да это так... От нечего делать».** — **«От нечего делать... Все вы так — от нечего делать. Пушкин, вероятно, тоже от нечего делать»** [4, с. 230].

Повторяющиеся элементы служат сцеплению реплик в диалогических структурах, акцентируя внимание на самых значимых моментах актуальной денотативной ситуации, сопряженной и с внутренним состоянием коммуникантов: *Некоторое время мы молча пьем чай, похрустывая сахаром. Потом майор переворачивает кружку вверх дном, кладет на нее крохотный оставшийся кусочек сахару и, отодвинув в сторону,*

аккуратно сметает со стола крошки. «Ну, так как же у тебя там? А, комбат?» — «Да ничего, товарищ майор, держимся пока». — «Пока?» — «Пока». — «И долго, ты думаешь, это “пока” протянется?» В голосе его появляется какая-то другая интонация, не совсем уже отеческая. «Пока люди и боеприпасы есть, думаю, будем держаться». — «Думаю, пока... Это нехорошие слова. Не военные» [4, с. 140]. Неуверенность адресата, выраженная и вводным персуазивным компонентом думаю, и обстоятельно-темпоральным наречием пока со значением временной ограниченности, каузирует эмоциональное восприятие инициатора диалога: установка военного времени двигаться неуклонно, **постоянно** несовместима с **пока**. «Разные варианты повторов способны, пронизывая отрывок диалогической речи, сформировать из него (относительно законченное тематически) структурное целое» [9, с. 135].

Повторы содержат и реплики, в которых коммуникативно-прагматическое намерение адресанта принимает характер смягченного эмоционально-волевого: Ну что ж, Керженцев. Пройдемся по обороне, **а потом, потом придется тебе батальон принимать**. Следующие реплики являются, с одной стороны, мотивирующими, обосновывающими принятое решение, а с другой — утешительными: Он пристально, точно оценивая, смотрит на меня. Застегивает пуговицы. «Клишенцова — комбата — убило. Бомбой. Прямое попадание. **Придется временно покомандовать батальоном. Ничего не поделаешь...**» И повернувшись в сторону Чумака: «Химику ногу оторвало. На ту сторону повезли. Ну, пошли, инженер. Или комбат, вернее» [4, с. 132]. Эти короткие инициативные реплики (реактивные реплики подчиненного отсутствуют: коммуникативная ситуация военного времени иногда их и не допускает) старшего по званию являются своеобразной рефлексией: некоторое смятение перед оглашением решения — обоснование этого решения — попытка утешения, которая «представляет собой субъектно-ориентированный процесс осмысления, интерпретации текущей ситуации, мотивирующий поведение и вскрывающий ее сущность» [10, с. 70].

В непростых, нередко непредвиденных ситуациях военной реальности, когда требуется незамедлительное принятие верных тактических шагов, императивное содержание реплик переплетается с эмоциональным состоянием отдающего приказы: Комелькова слегка перекинула, качнулась вбок. Хорошо, он вовремя заметил. Заорал так, что **жилы на лбу вздулись: «Куда?! Стоять!»** — «Я помочь...» — «**Стоять! Нет назад пути!**» <...> «**Вперед! Вперед, за мной!...**» Повернулся, пошел не оглядываясь. «**След в след! Не отставать!...**»

Категоричность отдаваемых Васковым приказов перемежается с внутренним состоянием неуверенности, опасения за вверенные ему жизни, что закодировано в авторских ремарках: Господи, совсем он с ними запутался: **то не стоять, то стоять. Как бы не испугались, в панику не ударились. Паника в трясине — смерть; Это он нарочно кричал, чтоб бодрость появилась. У бойцов от команды бодрость появляется, это он по себе знал. Точно.** [5, с. 167]. «Сама экспрессия, эмоциональная выразительность и лексико-синтаксическое построение реплики обусловлены ее адресом» [1, с. 165]. Ср. агрессивный, угрожающий характер реплик в речевой ситуации противостояния, столкновения, аффекта: **Покажу я вам, как свою шкуру спасти...** [4, с. 255].

Приведенные тексты служат подтверждением тезиса, что языковое оформление диалогической речи, набор спонтанных или клишированных единиц находится в прямой зависимости не только от внешних, внеязыковых обстоятельств,

но и от эмоционально-психического склада коммуникантов. Эмоционально-психическое состояние говорящего, вызванное разными «раздражителями», — первооснова, первопричина эмоционально окрашенной речи. И это свое состояние ему очень важно донести до адресата, чтобы быть адекватно понятым, чтобы иметь соответствующую реакцию в виде понимания, отклика, сочувствия, солидарности, чтобы не наткнуться на глухую стену. «В целом же акт высказывания характеризуется **подчеркиванием устанавливаемого в речи отношения к партнеру**, будь он реальным или воображаемым, индивидуальным или коллективным» [8, с. 316].

Диалоги военной прозы В. Некрасова и Б. Васильева представлены двумя группами: статусно-ролевые («командующий — подчиненный») и непринужденно-бытовые. Они различаются не только статусом коммуникантов, но и их коммуникативными намерениями, которые реализуются и общими, и специфическими языковыми средствами. Доминирующая роль инициативных реплик с императивной семантикой характерна для статусно-ролевого диалога, в котором воздействие, побуждение выражается типизированными морфологическими и синтаксическими средствами с императивной семантикой. Исследование позволило выявить, что в этой парадигме первостепенное значение имеют глагольные формы императива в прямом и переносном значениях; инфинитивные конструкции, имеющие значение категорического волеизъявления; неполные, эллиптические, присоединительные, нечленимые синтаксические единицы, характерные в целом для разговорно-бытовой речи.

Созданию динамичности, акцентированию смысловых доминант диалогической речи способствуют разнообразные повторы, а также цитатные вопросы.

Указание на пространственные, временные, объектные, определительные параметры речевой ситуации осуществляется разнообразными дейктическими компонентами реплик, при этом центральной фигурой речевой ситуации является говорящий субъект.

Имея в целом воздействующую, волевою направленность, диалог военного дискурса имеет экспрессивно-эмоциональный характер, что выявляется благодаря языковому содержанию реплик и авторским ремаркам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М., 1959. 654 с.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. 6-е изд. М.: ЛКИ, 2008. 144 с.
3. Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 1994. 227 с.
4. Некрасов В.П. Чертова семерка: Повести. Рассказы. М., 2005. 879 с.
5. Васильев Б.Л. А зори здесь тихие...: Романы, повести. М.: Эксмо, 2004. 768 с.
6. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1990. 669 с.
7. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 176 с.
8. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
9. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. 2-е (репринтное) изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
10. Рябцева Н.К. Язык и рефлексия // Язык и действительность: сб. науч. тр. памяти В.Г. Гака. М.: Ленанд, 2007. С. 62–72.

REFERENCES

1. Vinogradov V.V. *O yazyke khudozhestvennoi literatury* [On the Language of Fiction], Moscow, 1959, 654 p. (in Russ.)
2. Galperin I.R. *Tekst kak objekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research], 6th ed., Moscow, LKI Publishing House, 2008, 144 p. (in Russ.)
3. Norman B.Yu. *Grammatika govoryashchego* [Grammar of the Speaker], St Petersburg, St Petersburg State Un-ty Publishing House, 1994, 227 p. (in Russ.)
4. Nekrasov V.P. *Chertova semerka: Povesti. Rasskazy* [The Devil's Seven: Novellas and Short Stories], Moscow, 2005, 879 p. (in Russ.)
5. Vasiliev B.L. *A zori zdes' tikhie...: Romany, povesti* [The Dawns Here Are Quiet: Novels and Novellas], Moscow, Eksmo Publ., 2004, 768 p. (in Russ.)
6. Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World], Moscow, 1990, 669 p. (in Russ.)
7. Vinokur T.G. *Govoryashchii i slushayushchii. Varianty rechevogo povedeniya* [Speaker and Listener. Variants of Speech Behavior], Moscow, LIBROKOM Publ., 2009, 176 p. (in Russ.)
8. Benveniste E. *Obshchaya lingvistika* [General Linguistics], Moscow, Progress Publ., 1974, 447 p. (in Russ.)
9. *Yazykoznanie. Bolshoi entsiklopedicheskii slovar* [Linguistics. Big Encyclopedic Dictionary], ed. by V.N. Yartseva, 2nd ed., Moscow, Great Russian Encyclopedia Publ., 1998, 685 p. (in Russ.)
10. Ryabtseva N.K. *Yazyk i refleksiya* [Language and Reflection], *Yazyk i deistvitel'nost': Sb. nauch. trudov pamyati V.G. Gaka* = Language and Reality: Collected Papers in Memory of V.G. Gak], Moscow, Lenand Publ., 2007, pp. 62–72. (in Russ.)

Канафьева Аля Васильевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П.А. Леканта, Государственный университет просвещения, kanafeva.alya@mail.ru

Alya V. Kanafyeva, ScD in Philology, Associate Professor, Professor, Modern Russian Language Department named after Professor P.A. Lekant, State University of Education, kanafeva.alya@mail.ru

Статья поступила в редакцию 24.02.2026. Принята к публикации 22.03.2026

The paper was submitted 24.02.2026. Accepted for publication 22.03.2026